

оригинальная статья

Институционализация правовой культуры

Шумкин Евгений Михайлович

Новосибирский государственный университет экономики и управления, Россия, Новосибирск

<https://orcid.org/0000-0002-3575-6161>

9100020@bk.ru

Поступила 31.01.2022. Принята после рецензирования 01.06.2022. Принята в печать 06.06.2022.

Аннотация: Предметом внимания настоящей статьи является конвертация всех сфер общественных отношений через нормативное закрепление минимальных стандартов социальной и юридической ответственности. Данный процесс обусловлен необходимостью эволюционного согласования воли общества на правопорядок и воли государства на соблюдение прав и интересов людей, общества и государства. Институционализация представляет собой естественный ход развития любых общественных отношений с опорой на ответственность как необходимую стимуляцию людей к невозможности понижения стандарта рационального поведения (даже в случае рационального неведения). Правовая культура рассматривается в качестве агрегатора различных, присущих обществу, кодов, которые носят одновременно имплицитный и транспарентный характер. Оценить их представляется возможным с точки зрения социологического, философского, социолого-правового, аксиологического, политико-правового и деятельностного подходов с выделенными в них множественными аспектами: социально-системным, феноменологическим, общекультурным, экономическим, субкультурным, управленческим и ценностным соответственно. Институционализация как допустимая возможность конвертировать общественные отношения в нормативную среду продуктивна и логична, направлена на развитие общества и прогресса экономического развития государства. Представлено специальное определение термина *правовая культура*, раскрытие сути содержания которого необходимо для получения ответа на вопрос о допустимости формализации общественных отношений через их институционализацию. Результатом теоретического исследования стало наличие государственного довода уважать лучшие социальные практики и общественного неприятия агрессивного патернализма при нормотворчестве государства. Отказ от соблюдения баланса интересов грозит латентным оппортунистическим поведением субъектов права и нежеланием следовать идеям правовой культуры, постулируемым государством.

Ключевые слова: институционализация, правовая культура, социальный порядок, общественный договор

Цитирование: Шумкин Е. М. Институционализация правовой культуры. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2022. Т. 7. № 3. С. 305–314. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-305-314>

full article

Institutionalization of Legal Culture

Eugenii M. Shumkin

Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia, Novosibirsk

<https://orcid.org/0000-0002-3575-6161>

9100020@bk.ru

Received 31 Jan 2022. Accepted after peer review 1 Jun 2022. Accepted for publication 6 Jun 2022.

Abstract: The article features the conversion of public relations in the field of entrepreneurship through standardizing social and legal responsibilities. This process results from the evolutionary coordination of the social will for the rule of law and the state will to respect the rights and interests of society. Institutionalization is a natural development course of any social relations that are based on responsibility. It stimulates people to maintain the standard of rational behavior even in the case of rational ignorance. Legal culture is an aggregator of various implicit and transparent social codes. These codes can be evaluated from the point of view of sociological, philosophical, sociological-legal, axiological, political-legal, and activity approaches based on socio-systemic, phenomenological, cultural, economic, subcultural, managerial and axiological aspects. Institutionalization is an acceptable opportunity to convert social relations into a normative environment. It is a productive and logical way of social and economic development. The article introduces a new definition of legal culture, which highlights the admissibility of formalizing social relations through their institutionalization. The research made it possible to formulate

the state reason to respect the best social practices and the public rejection of aggressive rule-making. Refusal to maintain the balance of interests may lead to latent opportunistic behavior of business entities and their unwillingness to follow the ideas of the official legal culture.

Keywords: institutionalization, legal culture, social order, social contract

Citation: Shumkin E. M. Institutionalization of the Legal Culture. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(3): 305–314. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-305-314>

Введение

Академическая аффилиация между институционализацией и правовой культурой предполагает осознанный уход от оценочных терминов и движение в сторону темпоральных коллизий, дающих возможность отследить динамику влияния на нее общественных и государственных институтов [1]. Проблемой теоретического исследования является выявление взаимного столкновения интересов между обществом (социальным континуумом), государством (институтами государственной власти) и человеком (субъектом права). Цель институционализации правовой культуры включает в себя следование доминирующим правилам поведения в государстве, поддержание общей культуры, раскрытие смысла общего конформного поведения. Отметим, что правовая культура с ее неотъемлемыми элементами не абсолютна и ограничена императивными правилами государства в сфере тех общественных отношений, где осуществляется социальное взаимодействие, направленное на достижение баланса интересов общества и государства¹. Применены новые подходы к рассмотрению конкуренции правовой культуры с другими субкультурами через институционализацию, поддерживаемую законодателем как дискреционное ее проявление в определенных правоотношениях, способствующее повышению ее качества и примату цивилизованного правопорядка, а также эволюции общественных и государственных институтов.

Современная проблема институционализации правовой культуры – ее универсальность и вероятность форм объективного применения, включая механизмы государственного регулирования, социальные и экономические обстоятельства. Ее абсолютность и возможность субъективного восприятия, государственный и общественный смыслы, правокультурное значение являются квинтэссенцией всех сфер деятельности человека, включая предпринимательскую. Все это происходит на острие конкуренции социального и правового порядков вкупе с социальной напряженностью, деструктивными экономическими прогнозами и повышением ожидаемых издержек для стимулирования конформного поведения субъектов. Ключевой вывод, который можно сделать, видится в том, что институционализация правовой культуры

транслирует ее ценности в обществе, критично нивелируя архаизм деструктивного поведения и аномию социальных институтов, восстанавливая тем самым объективный баланс интересов человека, общества и государства.

Общая идея институционализации правовой культуры достаточно разнородна в своем содержательном значении, при этом отдельные ее элементы обладают признаками гомогенности. Представим общие определения некоторых значений институционализации:

- 1) реорганизация каких-либо общественных отношений в правоотношения ответственности, формализованные институты, имеющие определенные стандарты поведения [2];
- 2) процесс установления наилучших социальных практик в системе норм и правил, необходимых для реализации общественных благ [3];
- 3) трансформация любых общественных отношений в институты для их дальнейшей саморегуляции [4];
- 4) эволюционное развитие устоявшихся социальных практик в социальные институты под воздействием субъективных и объективных факторов, детерминирующих ее толерантность к легитимности большинства субъектов;
- 5) формализация дискреционных социальных отношений, ведущая к социально-организационной структуре построения общества с доминантой легализованной власти [5].

Подходы к генезису институционализации как субстрату мысли, воли, желаний и активностей человека стоит рассматривать вместе с развитием общества [6]. В данной статье рассмотрены некоторые из них.

Социологический подход

Принимая во внимание социологию как науку, дающую возможность проникнуть в суть любых общественных явлений и объяснить их, Герберт Спенсер рассматривал институт государства в контексте эволюционного развития общества [7]. Являясь регулятором всех отношений и явлений в обществе, государство, по мнению автора, через *юридический гормезис* (малые дозы стресса правового регулирования любых общественных отношений)

¹ Например, через обмен, создание и распределение благ, как в предпринимательской деятельности.

стимулирует естественный эволюционный путь развития общества, меняя его состояние от неопределенного к более определенному. Рассматривая таким образом законы развития животного мира и отождествляя их с законами развития мира общественного, Г. Спенсер находил, что государственная справедливость не строится элементарными мерами, при этом первенство права на *право* он отдавал человеку, т. к. считал, что первичность социальных явлений существовала еще до государственности, а потому они независимы от нее [8]. Государственность лишь облакает результаты социальных явлений в юридическую форму, обеспечивая тем самым объективность правил поведения во всех сферах человеческой активности, признавая незыблемость прав и свобод человека [9]. Выражая солидаритет идеям К. Бэра о том, что любое индивидуальное развитие нормально, а попытка уклониться от него патологична, автор признает индивидуальную личность частью целого, с необходимостью подчинения правилам общественной системы [10].

Социально-системный аспект социологического подхода обуславливает взаимосвязь частей целого, придавая последнему объективность через прямую связь институционализации и развития современного общества, т. к. абсолютно все активности человека реализовываются через интеграцию в структуру социальной системы, с необходимым порядком, обеспечивающим целостность ее пространства [11]. Именно в рамках социальной системы человек подчиняется внешней силе правопорядка, рассматривая личную свободу и свободу общества, частью которого он себя считает, через призму институционализации его прав и свобод, где его свобода тождественна свободе его общества [12]. Институционализация здесь рассматривается как самый необходимый подход к защите социальной реальности и объективного возвышения подлинных человеческих ценностей на основе жестких императивных предписаний, при этом абсолютная реализация свободы возможна лишь внесистемно [13].

Итак, имплицитно Г. Спенсер рассматривал институционализацию как эволюционную пользу, дающую возможность адаптировать субъективные состояния общества к внешним, возможно даже агрессивным, объективным условиям существования [14]. Ее основной целью представляется реализация прав и свобод человека с максимальным сохранением индивидуальных прав, свобод и энергий [15].

Социально-философский подход

Рассматривая и развивая идеи Г. Спенсера, Н. К. Михайловский также имплицитно рассуждал о неоднородности человечества в начале своего цивилизованного пути развития и сегодня – уже павшего жертвой институционализации [16]. Философское мировоззрение привело Н. К. Михайловского к пониманию утраты индивидуальности личности (от чего эволюционно уходит общество) под давлением институционализации, неизбежность

которой он признавал, как признавал и ограниченность подхода Г. Спенсера. Такая точка зрения основывалась на неприятии субъективных представлений человека о морали, нравственности, добре и зле в процессе эволюционно-вынужденной формализации лучших социальных практик, задающих регулируемую связь между человеком, обществом и государством [17]. Автор полагал важным стремиться к соблюдению баланса интересов между институционализацией и индивидуальностью, т. к. последняя объективно «затирается» под давлением экстерналий, присущих институционализации. Чтобы избежать этого, общество должно складываться не под воздействием формализации правил необходимого поведения, а как ансамбль духовных ценностей людей. Солидаритет Г. Спенсера и Н. К. Михайловского нашелся в признании того, что в ходе эволюционного развития общества человек стремится к преодолению личных, социально-приемлемых границ другого человека, где купирование такого деструктивного поведения возможно только при наличии внешних регуляторных границ, обеспечивающих минимальный стандарт гражданской ответственности нормами права (правилами поведения).

Таким образом, философский идеал общества, находящегося в тисках институционализации и внедрения множества новых культурных кодов, заключается в индивидуализации человеческой личности как единственного творца материальных и нематериальных достижений (ценностей) в обществе.

Феноменологический аспект философского подхода рассматривал институционализацию как глубокий способ фиксации в общественном сознании нормативных правил поведения. Именно процесс институционализации, по мнению И. Л. Честнова, предполагает возникновение устойчивой связи общества с внешней регулятивной средой, определяющей социальную устойчивость тех или иных систем ценностей [18]. Реальна и жизнеспособна лишь та система ценностей, по мнению автора, которая опиралась на социальную нормативность, доказавшую свою объективную эффективность, соответствующую внешним институциональным закономерностям (например, экспансии нормативности в отношении всех общественных отношений) и необходимую для удовлетворения потребностей общества.

Оба подхода рассматривали институционализацию в жестких патерналистических рамках, где социальные институты призваны соблюдать баланс интересов между обществом и государством путем предоставления правовой защиты объективной справедливости [19]. При этом примат институционализации достигается институтом государства, призванного защищать интересы общества и государства, монополизируя власть (с добровольного дозволения общества), с возможностью применения внешних негативных экстерналий в самом широком содержательном значении [20]. Человек свободен при условии принятия прав и свобод другого человека,

а институционализация выступает гарантом этого принятия, сдерживая возможным применением негативных санкций желание индивида не признавать эти права и свободы. Хотя институционализация и довлеет над личностью, ее сохранение и потенциал культуры возможно сохранить только идя по пути установления общественных отношений в институциональные рамки [21]. Стоит отметить, что социальная и юридическая нормативность при институционализации, поддерживаемая властью правоприменительной практикой, обеспечивает государству принятие обществом рациональной модели поведения под необходимым давлением его (государства) внешних требований, чем и диктуется перманентное развитие общества.

Институционализация рассматривает социальную систему и правовой порядок во взаимосвязи с личностью и выступает в роли ресурсного поля, а не радикального модератора социальных норм и явлений, обеспечивая конкуренцию человеческого капитала в обществе и конформизм. Культурные коды при этом актуализируют институционализационный пейзаж времени, девальвируя «греховную природу человека» [22].

Социолого-правовой подход

Анализ советских и российских юридических традиций позволяет усматривать в правовых институтах лишь систему формальных норм поведения, регулирующих однородные отношения в государстве [23]. Г. В. Мальцев называет такое точечное воздействие институтов государственной власти на общественные отношения институциональным регулированием [24]. Точка зрения автора кажется идеализированной, выдерживающей критику только в теоретическом поле, например, автор считает, что законодатель является источником социально-правовых ценностей, главным интересантом по имплементации которых является общество, добавляя, что так выглядит институционализация интересов. Подобный подход кажется верным лишь отчасти, если учесть, что нивелирование конфликта права и правоприменения (несовпадение лучших социальных практик как исторически устоявшихся общественных ценностей и конфликтующих с законодательной практикой) является перманентной социальной и правовой проблемой под названием *правовая неопределенность* [25].

Социологический подход расширяет самодостаточную ценность правового, добавляя общественные ценности, социальные модели поведения, культурные коды, социальные установки и представления, приобретающие в ходе институционализации, по мнению С. А. Костишиной, устойчивую, объективно выраженную форму [26]. Такая позиция схожа с трактовкой институционализации как антипода формально не организованных социальных связей и общественных отношений. При этом один только правовой подход представляется узким к большому пониманию процессов институционализации, происходящих в обществе и государстве. Особенностью

социолого-правового подхода является признание легитимности права, дающей возможность удерживать объективную действительность в рамках заданных стандартов поведения и поддерживая не только функции права, но и функции социального порядка (естественная форма, по Т. Парсонсу) по двум критериям:

1. Способность людей должным образом придерживаться минимального стандарта ответственного поведения, под угрозой внешних негативных экстерналий самостоятельно давать оценку этому поведению. Данное положение предполагает внутреннее выражение социального акта под перманентным влиянием институционализации как явления, монополизирующего насилие за принижение примата институтов государственной власти.
2. Индивидуальный прогноз нежелательных социальных последствий, неодобряемых государством, должен быть детерминирован объективной формализацией рамок, удерживающих такое поведение в системе норм и правил поведения для блага большинства. Данный критерий включает социальный способ измерения деструктивного развития общественных отношений, детерминирующий внешнее выражение того же социального акта на предмет пресечения социальных патологий формализованными юридическими рамками.

Настоящие критерии рассматривают институционализацию через социолого-правовую призму, охватывая все сферы общественных отношений, подчиненных социальным актам, подверженные юридической квалификации и оказывающие влияние на субстрат правовой культуры.

Аксиологический подход

Институционализация рассматривается апологетами данного подхода в качестве формирования устойчивого стандарта культурного поведения человека как способа выполнения социальных задач в соответствии с формальными требованиями. Процесс формирования такого стандарта призван обеспечить постоянную прочность всех социальных систем [27]. Важен анализ развития правовой культуры в процессе институционализации. Более того, по мнению Ю. В. Ларина, институционализация обязана культуре развитием своих институтов [29]. В рамках настоящей работы под культурой следует понимать систему объективно важных явлений и процессов для *правильного* ориентирования в человеческих активностях, призванных удовлетворять потребности как людей, так и общества на основе синкретизма, рассматриваемого нами в качестве неотъемлемой особенности институционализации.

Рассмотрим некоторые признаки правокультурного аспекта институционализации.

1. В рамках позитивного права ценности субъектов, несмотря на синкретизм, предполагаются равными, и свобода установления любых общественных отношений видится абсолютной, если реализация этих

свобод не поражает интересы других людей, общества и государства, в противном случае уровень правовой культуры видится низким, и уполномоченные институты государственной власти вступают с таким субъектом в правоотношения ответственности.

2. Правовая культура настаивает на стандартах гражданской ответственности, где внешнее выражение воли человека объективно принимается государством, если такое выражение не противоречит модели поведения, формально закрепленной институционализацией.
3. Субъективное представление о *правильном* и других ценностях, доступ к которым обеспечивает общий культурный код, носит компенсаторный характер за счет соблюдения баланса интересов человека, общества и государства, обеспечиваемого институционализацией.

Благодаря институционализации возникают стабильные активности людей по поводу извлечения и перераспределения общественных благ. Реагируя на меняющиеся потребности человека и общества, институционализация предлагает модель поведения, называемую рациональной, повышение уровня правовой культуры, генерируя этим новые виды социальной активности, избегание делинквентности и задавая всё новые стандарты личного организованного поведения. Таким образом, институционализация представляет собой эволюцию общественных отношений, формально не регулируемых, в сторону организации сложной структуры различных институтов с иерархией власти.

Общекультурный аспект аксиологического подхода показывает взаимодействие людей в социальном пространстве, направленное на получение новых возможностей путем ограничения их действий через правовую культуру, включающую в себя правила поведения, принимаемые большинством. Доминирование правовой культуры обеспечивается конкуренцией телеологических смыслов глубинного поведения людей [29]. Модели поведения участников такого поведения связаны. Так, ожидаемый результат зависит от модели поведения конкурирующих субъектов, и чтобы такое соперничество приводило к прогнозируемому результату, необходима опора на общий культурный код о праве и объективном отношении к рациональному стандарту поведения, доступному всем субъектам.

Экономический аспект аксиологического подхода раскрывает контекст, в частности, экономической деятельности как вида человеческой активности, находящегося на фронтире финансово-хозяйственной деятельности государства. Решение субъектов права одновременно принимать ее саморегулирование и быть объектом такого регулирования со стороны государства является процессом формализации набора социальных практик, показавших свою жизнеспособность на длительном временном промежутке, приводящим к его институционализации.

Тезисы данного аспекта рассматриваются следующим образом:

1. Концепция предпринимательской деятельности для большинства ее субъектов: никто не выигрывает, если никто не придерживается стандартов поведения, закрепленных институционально, и наоборот [30].
2. Результат проявления деятельности субъекта является и причиной, и следствием других таких же субъектов.
3. Если модель поведения субъекта конфликтует с моделями поведения других субъектов, то итог такого взаимодействия будет являться нерациональным и провоцировать делинквентность.
4. Постоянный анализ своей модели поведения и сравнение его с заданным институционально стандартом позволяет лучше понять механизм правоотношений ответственности с государством [31].

Итак, если каждый субъект является конформистом (способным идентифицировать свою правовую культуру) и придерживается выбора институциональной поддержки друг друга (все поддерживают всех), то такой выбор обеспечивает общее социальное и экономическое благосостояние. В противном случае полезная эффективность институционализации снижается, а значит снижается и общее благосостояние. Институционализация фиксирует наилучшие общественные практики, обеспечивая каждому игроку максимизацию его благ, что приносит долгосрочную пользу не только ему, но и обществу, и государству.

Политико-правовой подход

С позиции М. Аболафия, выражающего солидаритет Г. Саймону, равновесие любой организации, включая государство, достигается через отождествление с ней каждого субъекта [32]. Такое отождествление возможно через стимулирование мотивационного стремления сложить субъективные цели в единый объективный интерес. Подобное стимулирование достигается через создание побуждающих обстоятельств – правового регулирования: прав, обязанностей и возможных негативных экономических, социальных и юридических последствий за нарушение их баланса [33]. Это нормально, когда институционализация, обеспечивая социальный рост, обеспечивает и рост экономический, становясь его неотъемлемой частью, т.к. право юридически закрепляет нормы той или иной деятельности субъекта, очерчивая рамки дозволенного государством поведения, формируя тем самым их правовую культуру.

Субкультурный аспект политико-правового подхода помогает увидеть роль набора необходимых правил, регулирующих финансово-хозяйственную деятельность субъектов, уравнивая их в своих фрустрационных ожиданиях по отношению друг к другу. Право, кодируя мир институционализацией, регулирует все отношения в нем,

находясь под постоянным воздействием национальной системы ценностей, например, социальной ролью или оценкой субъекта, возлагаемой на него обществом, политических и экономических течений.

Управленческий аспект политико-правового подхода призван обеспечивать стройность социальных систем, вырабатывая толерантность к неопределенности для достижения позитивного эффекта от процесса институционализации, снижая риск социального и экономического дефолта в случае внешнего негативного воздействия на общество, как объект управления со стороны государства, обеспечивая тем самым акселерацию политического влияния институтов государственной власти на общественные институты.

Таким образом, задачей процесса институционализации в рамках политико-правового подхода является применение государством адаптивных мер, стимулирующих субъектов стремиться к состоянию равновесия. Это стремление обусловлено множественностью факторов: социальных, исторических, культурных, управленческих и т. д., – которые допускают политическое давление на необходимую среду через власть с целью *нормального* развития общества [19]. Данный подход, опирающийся на позиции объяснения негативных внешних санкций со стороны государства, раскрывает институционализацию в качестве естественной функции государства как монополиста в области открытого использования необходимых мер воздействия на граждан, понимание которых определяется уровнем правовой культуры общества [34].

Деятельностный подход

Идея данного подхода строится на прямой, но условной позиции зависимости субъекта от институциональных правил поведения в выбранной активности. Полагаясь на рациональность оптимального выбора модели поведения каждого субъекта, институционализация позволяет ему на выбор совершить какое-либо действие или воздержаться от него. Внешнее силовое давление достигнет одного субъекта в том случае, если позитивный эффект его деятельности как следствие такого выбора будет получен за счет умаления выгод другого субъекта. Здесь институционализация помогает решить амбивалентный вопрос с социальными и правовыми основаниями этого выбора и ограничить его в нем, *собирая с делинквента плату за риск*². Данная модель институциональных взаимоотношений отражает свойства, существенные для того или иного социального и правового порядка, отождествляемого с их правовой культурой [35].

Институционализация при *ценностном аспекте деятельного подхода* рассматривается как государственный механизм саморегулирования всех процессов социума

через нормативное установление правил всем видам активностей человека, как единственный способ преодоления неопределенностей и снятия потенциала социального конфликта на пути развития общества и государства. Важно отметить, что каждый субъект, являясь частью общества, может имманентно к нему обратиться, равно как и к государству, за необходимыми разъяснениями по поводу тех нормативных рамок, которые они ему задают [36]. Отсюда и проистекает правовая определенность в логическом поддержании общего баланса интересов [37]. Нарушение институциональной логики приведет к неправомерному дозволению в деятельности как людей, так и государственных институтов, особенно учитывая то, что человек сам по себе ограниченно рационален [38]. Институционализация усиливает закрепившиеся социальные практики, обеспечивая сохранение в них ценностного аспекта в формализованном виде для будущих поколений, путем конвертации неоформленных правил поведения в рациональную модель поведения каждого, где государство, поддерживая *рацио* (лат. *ratio*) каждого человека, эффективно поддерживает и защищает общество в его развитии [39].

Качество институционализации определяется соотношением уровня правовой культуры в выбранной сфере общественных отношений и институциональным развитием, которое особенно чувствительно в предпринимательской деятельности. Предполагается, границы любой сферы общественных отношений шире в том государстве, где выше уровень правовой культуры, что обеспечивается вовлечением правовой культуры как агрегированной системы общих ценностей человека и общества в государственный оборот. Институциональной задачей видится увеличение размера правокультурного капитала в обществе, при решении которой недостаточно соблюдения внешней формы общественных отношений в виде закрепленного стандарта поведения человека. И тем более маловероятно ожидать, что уровень правовой культуры вырастет от фиксации правил рационального поведения [40].

Укажем, что формализация социальных институтов важна, но явно недостаточна. Для увеличения «стоимости» правовой культуры необходимо капитализировать общий культурный код, т. е. качественно институционализировать все сферы общественных отношений. Таким образом, если в государстве складываются *правильные* правила поведения, отвечающие интересам каждого, то такой подход будет мотивировать к социально-экономическому развитию общества и государства. В попытке уравнивать сказанное, стоит задаться следующим вопросом: Допустима ли при наличии лучших и устоявшихся во времени и в пространстве социальных практик нормативная формализация общественных отношений через их институционализацию, совершенство процесса конвертации которых в правовую форму вызывает сомнение?

² Любой вид ответственности.

Отвечая на данный вопрос, являющийся квинтэссенцией настоящей работы, укажем, что общей основой институционализации является совокупность внутренних: моральных, нравственных и номологических – сознательных процессов, происходящих в человеке, без которых его формирование как личности, как субъекта права или экономической (предпринимательской) деятельности не представляется возможным.

Развивая идеи правокультурного капитала Л. Харрисона и его прогресса (как нового витка развития с позиции М. Вебера), стоит уклониться от попытки раскрыть широкое содержательное значение термина *правовая культура*, имеющего множество значений в системе общего научного знания, и определить его для данной работы как *критический и системный анализ социальных, моральных, правовых и других субкультурных кодов, транспарентно транслируемых обществом и государством* (К. Маркс, Ф. Энгельс). Л. Харрисон показал, что основой для любого роста, социального или экономического, служит культурный капитал [41]. Объем данного капитала оповещает нас об исключительных особенностях его бенефициаров – людей, неотъемлемой содержательной частью такого капитала является право как стандарт поведения, дискретно задаваемый регулятором, а потому рассматривается здесь синонимично с правокультурным капиталом. При этом смысл такого стандарта может быть наполнен только обществом, и его эволюционное изменение через институционализацию объясняется особенностями развития тех или иных общественных отношений, в том числе и предпринимательской деятельности. В этом заключается, на наш взгляд, идея институционализации, объединяющей общество и государство.

Говоря о *нормативной формализации общественных отношений*, укажем на характерную особенность правовой культуры предпринимательской деятельности³. Социальная действительность общественных отношений рисует прототип идеальной модели поведения людей в выбранных ими активностях, т. е. через упречный аспект социальных агентов отбирается оптимальный вариант взаимодействия в обществе. Контроль перманентного процесса создания такого варианта остается также за обществом. Доступность объективной действительности возможна при подчинении ее нормативному аспекту Левиафана, ведь именно правила последнего формально регулируют общественные отношения. Таким образом, социальная действительность может оппонировать объективной действительности, а институционализация правовой культуры направлена на установление принципа *правильного* (по праву) отбора оптимальной модели любой активности человека через законодательную, судебную и правоприменительную практики. Принцип этот прост и имплицитно проходит через все цивилизованные правовые порядки,

шифруя множество социальных фактов, трансформируя сигналы, подаваемые обществом, в более рациональную форму общения *всех со всеми* – это суверенитет правовой культуры, с помощью которого можно оценить уровни социального, экономического и социального развития, а значит оценить *процесс конвертации* общественных отношений в правовую форму. Контроль за реализацией такого принципа возложен на общество и государство.

Заключение

Любая человеческая активность, включенная в общую сферу коммуникации на тему эффективного получения или перераспределения благ, нематериальных в том числе, подчинена юридическим стимулам, информирующим субъектов права (равно как и социальных субъектов) о превенции правовой культуры в жизни государства. Усиление социальной мощи современного человека, развитие его социальных связей, расширение социальных фактов – все это провоцирует государство поступательно (в параллели с обществом) развивать институционализацию правовой культуры, выводя совокупную человеческую деятельность на новую парадигму существования. Критериями такой парадигмы должны являться: признание важности правовой культуры как части общей культуры; развитие правовых знаний об обществе и государстве; корреспондирующее признание обществом и государством социально-правовых ценностей; принятие ответственности за институционализацию правовой культуры в разрезе социальной и объективной действительности.

Единая цель новой парадигмы – снизить субъективное ожидание от незаконных выгод субъектов за счет ожидаемого институционального насилия на основе повышения уровня правовой культуры.

Детерминирующим признаком институционализации правовой культуры является внимание к общественным ценностным установкам, практикам и институтам, т. е. принятие государством совокупности культурных ценностей человека в любом виде деятельности. В таком виде институционализация правовой культуры приобретает *правильное* содержание, где суверенитет наполняется социальным смыслом, основное содержание которого объясняет социально-экономические, социально-политические, социокультурные и иные обстоятельства, окружающие человека и характеризует выбранные им активности. В противном случае архаизм неинституционализированных общественных отношений, отсутствие баланса интересов общества и государства неминуемо приведут к их дефолту. Институционализация как допустимая возможность конвертировать общественные отношения в нормативную среду [42] продуктивна и логична, направлена на развитие общества и прогресса экономического развития государства.

³ Как части общего вопроса: Допустима ли при наличии лучших и устоявшихся во времени и в пространстве социальных практик *нормативная формализация общественных отношений* через их институционализацию, совершенство процесса конвертации которых в правовую форму вызывает сомнение?

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Полаanyi К. Экономика как институционально оформленный процесс. *Экономическая социология*. 2002. Т. 3. № 2. С. 62–73.
Polanyi K. Economics as an institutionalized process. *Journal of Economic Sociology*, 2002, 3(2): 62–73. (In Russ.)
2. Синютин М. В. Институциональный подход в экономической социологии. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т, 2002. 313 с.
Sinyutin M. V. *Institutional approach in economic sociology*. St. Petersburg: St. Petersburg University, 2002, 313. (In Russ.)
3. Глотов М. В. Методология институционального анализа культуры. *Проблемы теоретической социологии*, отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: СПбГУ, 2007. Вып. 6. С. 144–155.
Glotov M. V. Methodology of the institutional analysis of culture. *Problems of theoretical sociology*, ed. Boronoev A. O. St. Petersburg: SPbSU, 2007, iss. 6, 144–155. (In Russ.)
4. Давыденкова А. Г., Туфанов А. О. Институционализация социокультурной и экономической жизни общества: социально-философские аспекты. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2011. Т. 2. № 4. С. 98–107.
Davydenkova A. G., Tufanov A. O. The institutionalization of social, cultural and economic life of the society: social and philosophical aspects. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*, 2011, 2(4): 98–107. (In Russ.)
5. Кравченко И. И. Институционализация. *Новая философская энциклопедия*, ред. В. С. Степин. М.: Мысль, 2001. Т. 2: Е–М. С. 125.
Kravchenko I. I. Institutionalization. *New philosophical encyclopedia*, ed. Sternin V. S. Moscow: Mysl, 2001, vol. 2: E–M, 125. (In Russ.)
6. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. СПб.: Азбука-классика, 2007. 270 с.
Machiavelli N. *Discourses on the first decade of Titus Livius*. St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2007, 270. (In Russ.)
7. Курсков Д. Ю. Г. Спенсер о государстве и праве. *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. 2011. № 8. С. 239–242.
Kurskov D. Yu. H. Spencer about state and law. *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, 2011, (8): 239–242. (In Russ.)
8. Аристотель. Политика. *Сочинения*. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 376–644.
Aristotle. Politics. *Works*. Moscow: Mysl, 1983, vol. 4, 376–644. (In Russ.)
9. Спенсер Г. Синтетическая философия Герберта Спенсера. Киев: Вист-С, 1997. 510 с.
Spencer H. *The synthetic philosophy by Herbert Spencer*. Kiev: Vist-S, 1997, 510. (In Russ.)
10. Шумкин Е. М. Правовая культура как фактор легитимности социального и правового порядка. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2021. № 3. С. 466–477. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-466-477>
Shumkin E. M. Legal culture as a factor of legitimacy of the social and legal order. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia*, 2021, (3): 466–477. (In Russ.) <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-466-477>
11. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Акад. проект, 2002. 830 с.
Parsons T. *The Social Systems*. Moscow: Akad. proekt, 2002, 830. (In Russ.)
12. Рассел Б. Логический атомизм. *Аналитическая философия: становление и развитие. Антология*. М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1997. С. 17–37.
Russell B. Logical atomism. *Analytical philosophy: formation and development. Anthology*. Moscow: Dom intellektualnoi knigi; Progress-Traditsiia, 1997, 17–37. (In Russ.)
13. Карамзина Е. В. Концептуализация свободы в социально-системном аспекте. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2013. № 1. С. 204–210.
Karamzina E. V. The conceptualization of freedom within the system theory framework. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, 2013, (1): 204–210. (In Russ.)
14. Алексеева Т. А. Справедливость: морально-политическая философия Джона Роулса. М.: Наука, 1992. 112 с.
Alekseeva T. A. *Justice: John Rawls' moral and political philosophy*. Moscow: Nauka, 1992, 112. (In Russ.)
15. Спенсер Г. Личность и государство. СПб.: Вестник знания, 1908. 84 с.
Spencer H. *Personality and State*. St. Petersburg: Vestnik znanii, 1908, 84. (In Russ.)
16. Черкашина В. В. Понятие «воля»: на пути от философии к психологии. *Идеи и идеалы*. 2019. Т. 11. № 4-1. С. 107–118. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2019-11.4.1-107-118>

- Cherkashina V. V. The concept of "will": on the way from philosophy to psychology. *Ideas and ideals*, 2019, 11(4-1): 107–118. (In Russ.) <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2019-11.4.1-107-118>
17. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I). *Полис. Политические исследования*. 2002. № 1. С. 6–17.
Merkel V., Croissant A. Formal and informal institutions in defective democracies. *Polis. Political Studies*, 2002, (1): 6–17. (In Russ.)
18. Честнов И. Л. Актуальные проблемы теории государства и права. Ч. 2. Актуальные проблемы теории права. СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т (Ф-Л) Ун-та прокуратуры РФ, 2020. 136 с.
Chestnov I. L. *Actual problems of the theory of state and law. Pt. 2. Relevant issues of legal theory*. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2020, 136. (In Russ.)
19. Михайловский Н. К. Борьба за индивидуальность. *Сочинения*. СПб.: Рус. богатство, 1906. Т. 1. Стлб. 437–609.
Mikhailovsky N. K. Fight for individuality. *Complete works*. St. Petersburg: Rus. bogatstvo, 1906, vol. 1, 437–609. (In Russ.)
20. Гостюшева Е. М., Дягилева Ю. А. К проблеме взаимоотношения власти и личности в политико-философских теориях Н. К. Михайловского. *Известия АлтГУ*. 2014. № 4-1. С. 268–272. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2014\)4.1-45](https://doi.org/10.14258/izvasu(2014)4.1-45)
Gostyusheva E. M., Diagleva Y. A. On the issue of relations between the authorities and the individual in political and philosophical theories of N. K. Mikhailovsky. *Izvestiya Altai State University*, 2014, (4-1): 268–272. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2014\)4.1-45](https://doi.org/10.14258/izvasu(2014)4.1-45)
21. Калинин А. Ю. Теневое право с позиций структурно-функционального подхода. *Юридическая наука*. 2011. № 4. С. 16–20.
Kalinin A. Yu. Shadow law from the standpoint of the structural-functional approach. *Legal Science*, 2011, (4): 16–20. (In Russ.)
22. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. СПб.: Азбука-Классика, 2020. 704 с.
Hobbes T. *Leviathan: the matter, form, and power of a commonwealth, ecclesiastical and civil*. St. Petersburg: Azbuka-Klassika, 2020, 704. (In Russ.)
23. Спиридонов Л. И. Теория государства и права. М.: Проспект, 1996. 300 с.
Spiridonov L. I. *Theory of state and law*. Moscow: Prospekt, 1996, 300. (In Russ.)
24. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма; Инфра-М, 2011. 799 с.
Maltsev G. V. *Social foundations of law*. Moscow: Norma; Infra-M, 2011, 799 p. (In Russ.)
25. Кашанин А. В. Неопределенность права и усмотрение правоприменителя как ограничители использования централизованных методов регулирования. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2013. № 4. С. 19–36.
Kashanin A. V. Legal indeterminacy and juridical discretion as limitations on the centralized methods of regulation. *Public Administration Issues*, 2013, (4): 19–36. (In Russ.)
26. Костишина С. А. Институциональный подход в современной юридической науке. *Юрист-Правоведъ*. 2012. № 5. С. 80–82.
Kostishina S. A. Institutional approach in modern jurisprudence. *Jurist-Pravoved*, 2012, (5): 80–82. (In Russ.)
27. Давыденкова А. Г. Философия личности и культурно-институциональные процессы. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2005. 220 с.
Davydenkova A. G. *Philosophy of personality and cultural and institutional processes*. St. Petersburg: Pushkin LSU, 2005, 220. (In Russ.)
28. Ларин Ю. В. Онто-логика культуры. Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 2004. 163 с.
Larin Y. V. *Onto-logic of culture*. Tyumen: UTMN, 2004, 163. (In Russ.)
29. Васильева Е. Н. Институционализация экономической деятельности как системообразующий фактор становления культуры предпринимательства. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии*. 2008. № 1. С. 70–72.
Vasilieva E. N. Institutionalization of economic activity as a system-forming factor in the formation of a culture of entrepreneurship. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofii. Sotsiologiya i sotsialnye tekhnologii*, 2008, (1): 70–72. (In Russ.)
30. Жуковский В. И., Мухина Ю. С., Романова В. Э. Дифференциальная игра N лиц, в которой существует паретовское равновесие угроз и контругроз, но отсутствует равновесие по Нэшу. *Известия Института математики и информатики Удмуртского государственного университета*. 2021. Т. 57. С. 104–127. <https://doi.org/10.35634/2226-3594-2021-57-04>
Zhukovskii V. I., Mukhina Yu. S., Romanova V. E. A differential game of N persons in which there is a Pareto equilibrium of objections and counterobjections and no Nash equilibrium. *Izvestiya Instituta Matematiki i Informatiki Udmurtskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2021, 57: 104–127. (In Russ.) <https://doi.org/10.35634/2226-3594-2021-57-04>

31. Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений. *Экономическая социология*. 2001. Т. 2. № 4. С. 28–55.
Fligstein N. Fields, power, and social skills: a critical analysis of new institutional trends. *Journal of Economic Sociology*, 2001, 2(4): 28–55. (In Russ.)
32. Аболафия М. Рынки как культуры: этнографический подход. *Экономическая социология*. 2003. Т. 4. № 2. С. 63–72.
Abolafia M. Markets as cultures: an ethnographic approach. *Journal of Economic Sociology*, 2003, 4(2): 63–72. (In Russ.)
33. Гарипова Р. Р., Хайруллина Ю. Р., Трошина Д. А. Институционализация социального предпринимательства в Республике Татарстан. *Вестник экономики, права и социологии*. 2021. № 2. С. 80–83.
Garipova R. R., Khayrullina Yu. R., Troshina D. A. Institutionalization of social entrepreneurship in the Republic of Tatarstan. *The Review of Economy, the Law and Sociology*, 2021, (2): 80–83. (In Russ.)
34. Кильдюшов О. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества. *Социологическое обозрение*. 2016. Т. 15. № 3. С. 122–149. <https://doi.org/10.17323/1728-192x2016-3-122-149>
Kildyushov O. The problem of social order (a Hobbesian problem): towards the heuristics and pragmatics of the constitutive question of contemporary social theory. *Russian Sociological Review*, 2016, 15(3): 122–149. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1728-192x2016-3-122-149>
35. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 586 с.
Ortega y Gasset J. *The aesthetics. Philosophy of culture*. Moscow: Iskusstvo, 1996, 586. (In Russ.)
36. Armour J., Hansmann H., Kraakman R., Pargendler M. What is corporate law? In: Kraakman R., Armour J., Davies P., Enriques L., Hansmann H. B., Hertig G., Hopt K. J., Kanda H., Rock E. B. *The anatomy of corporate law: a comparative and functional approach*, 3rd ed. Oxford: Oxford Academic, 2017, 1–28. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198739630.003.0001>
37. Покровский А. В. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2013. 349 с.
Pokrovsky A. V. *Main problems of civil law*. Moscow: Statut, 2013, 349. (In Russ.)
38. Schmolke K. U. Expulsion and valuation clauses – freedom of contract vs. legal paternalism in German partnership and close corporation law. *European Company and Financial Law Review*, 2012, (3): 406–408. <https://doi.org/10.1515/ecfr-2012-0380>
39. Robinson J. *The generalization of the general theory and other essays*. 2nd ed. London: McMillan, 1952, 198.
40. Вебер М. Наука как призвание и профессия. *Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.
Weber M. Science as a vocation and profession. *Selected works*. Moscow: Progress, 1990, 707–735. (In Russ.)
41. Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма. М.: Мысль, 2016. 286 с.
Harrison L. *Jews, confucians, and protestants: cultural capital and the end of multiculturalism*. Moscow: Mysl, 2016, 286. (In Russ.)
42. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
Bauman Z. *Individualized society*. Moscow: Logos, 2002, 390. (In Russ.)